

ИСПАНСКАЯ ГРУСТЬ

ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ И ПОХОД В РОССИЮ, 1941–1942 гг.

**Воспоминания
В. И. Ковалевского**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ О. И. БЭЙДЫ, Ш. М. НУНЬЕСА СЕЙШАСА



НЕСТОР-ИСТОРИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)
И88

И88 Испанская грусть: Голубая дивизия и поход в Россию, 1941–1942 гг. : воспоминания В. И. Ковалевского / под ред. О. И. Бэйды, Ш. М. Нуньеса Сейшаса. М.; СПб. : Нестор-История, 2021. — 208 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1823-2.

Владимир Иванович Ковалевский был из поколения русских офицеров, так и не закончивших «свою» войну. Пройдя Первую мировую и не приняв революции, Ковалевский оказался среди первых чинов Добровольческой армии, а в 1920 г. ушёл с белыми из Крыма. Затем были служба во Французском иностранном легионе, учёба в Королевстве Югославия и война на стороне генерала Франко в Испании. Летом 1941 г. Ковалевский записался в качестве переводчика в испанскую 250-ю дивизию вермахта, известную как Голубая дивизия, с которой отправился в поход против СССР. На Новгородчине он во всей полноте увидел мрачную картину страданий мирного населения «под испанцами» и пережил надлом, разочаровавшись в иллюзиях и собственной неприглядной роли «чужого среди чужих». Весной 1942 г. Ковалевский вернулся в Сан-Себастьян, где по горячим следам написал «в стол» эти мемуары, так и не увидевшие свет при жизни автора. В них — несбыточные надежды русского зарубежья, незнакомый взгляд «с той стороны фронта» и метания одиночки, совершившего роковой выбор.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

Художник обложки
Андрей Николаевич Ромасюков

На обороте обложки — знак русских добровольцев,
воевавших в Испании на стороне франкистов.

Испанское издание воспоминаний:
Beyda O., Núñez Seixas X. M. Un ruso blanco en la División Azul.
Memorias de Vladimir I. Kovalevski (1941).
Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2019.

ISBN 978-5-4469-1823-2



9 785446 918232

© Нестор-История, оформление, 2021

Олег Бэйда (Университет Мельбурна),
Шосе М. Нуньес Сейшас (Университет Сантьяго-де-Компостелы)

«Белый, синий, красный»: русские эмигранты, 250-я дивизия вермахта и СССР

«Длящееся поражение»: таксисты в чинах

Процесс разрушения Российской империи и создания нового советского государства сопровождался полосой насилия: сначала Первая мировая война, а затем революция и Гражданская война 1917–1922 гг. унесли миллионы жизней^I. Проиграв во внутреннем конфликте большевикам, белогвардейцы, или же «белые русские», — это общее название объединило множество разнообразных политических течений, этнических и социальных групп — стали огромной диаспорой. По некоторым оценкам, после Октябрьской революции 1917 г. границы бывшей Российской империи покинули порядка двух миллионов человек, выезжавших в Центральную Европу через Финляндию, Норвегию и балтийские страны. Ещё одним путём к спасению стало Чёрное море. Точкой отсчёта исхода стала крымская эвакуация Русской армии генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля в ноябре 1920 г. Русская эскадра забрала 150 тысяч мужчин, женщин и детей. Отчалив, они взяли курс на неизвестность^{II}.

После эвакуации часть флота осталась в Дарданеллах, тогда как прочие суда и 5600 человек оказались под французской защитой в тунисском

^I Обзорные работы о Гражданской войне в России: *Smele J. D.* The “Russian” Civil Wars 1916–1926. Ten Years that Shook the World. Oxford; New York, 2015; *Steinberg M. D.* The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford, 2017. P. 99–121; *Aust M.* Die russische Revolution: Vom Zarenreich zum Sowjetimperium. München, 2017. S. 156–201; *Jevakhoff A.* La guerre civile russe: 1917–1922. Paris, 2017.

^{II} *Kröner A.* The White Knight of the Black Sea. The Life of General Peter Wrangel. The Hague, 2010; *Кузнецов Н. А.* Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 104. См. также: *Pinti A.* Revolución rusa y primera oleada migratoria (1917–1923) // *Svdivm. Revista de Humanidades.* 2016. No. 23. P. 195–226.

порту Бизерта. Казачьи части, около 50 тысяч человек, по большей части содержались французскими властями на греческом острове Лемнос до октября 1921 г., тогда как 1-й армейский корпус (около 26 тысяч человек) высадился на полуостров Галлиполи, где, по сути, интернировал сам себя в импровизированном лагере. В окрестностях Стамбула в схожих условиях оказались гражданские лица^I.

Несмотря на тяготы и лишения, белогвардейцы превратили поражение и лагерь интернированных в символ военной борьбы, в пророчество о её возобновлении. Так родились «дух Галлиполи» и зиждившееся на нём мессианское сознание нестигаемых бойцов^{II}. Многие из них покинули лагерь уже к концу 1920 г.^{III}

Вчерашние солдаты и офицеры, а с ними и тысячи гражданских русских, рассеялись по миру. Немалая часть эмигрантов нашла пристанище в Болгарии и Югославии, а кто-то перебрался в Чехословакию, Западную Европу и прочие уголки света. Центром диаспоры стала Франция, где к 1930 г. обосновались от 100 до 200 тысяч бывших российских подданных, значительное число которых проживало в Париже.

Костяк Белой армии, который удалось сберечь, стал основой уникальной организации — Русского общевоинского союза (РОВС). Основанный самим Врангелем в Югославии в сентябре 1924 г., РОВС объединил созданные незадолго до того группы белогвардейцев (например, в Союз вошло Общество галлиполийцев, появившееся тремя годами ранее). Целью Союза было не только сохранение морального единства белых. Организация пыталась сберечь воинские кадры и командный состав, пусть и временно окунувшийся в гражданскую жизнь, чтобы в будущем вновь

^I Bruno B. Lemnos, l'île aux Cosaques // Cahiers du Monde Russe. 2009. No. 1. P. 187–230; Остапенко К. М. Лемносский дневник офицера Терского казачьего войска, 1920–1921 гг. / ред.-сост. В. Е. Койсин, А. А. Коновалов. М., 2015; Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященных пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи / под ред. Г. Ф. Волошина, В. К. Мироновича, В. В. Полянского, П. С. Савченко, В. В. Саханева, С. М. Шевлякова. Берлин, 1923 // University of North Carolina at Chapel Hill. Louis Round Wilson Library. Rare Book Collection. André Savine Collection (UNC–CH/Savine).

^{II} Shmelev A. Gallipoli to Golgotha: Remembering the Internment of the Russian White Army at Gallipoli, 1920–3 / ed. by J. Macleod. // Defeat and Memory: Cultural Histories of Military Defeat in the Modern Era. Basingstoke; New York, 2008. P. 195–213.

^{III} Пашков П. Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917–1922 годов. Париж, 1961. С. 24–25 // UNC–CH/Savine.

призвать их под знамёна для войны против Советского Союза. Фактически за аббревиатурой скрывалось временно демобилизованное войско добровольцев, связанных мощными узами боевого товарищества¹.

Как система, РОВС состоял из отделов, являвшихся административными подразделениями. Каждый отдел разбивался на подотделы, и каждая единица имела собственное командование. Отдел обычно охватывал страну или группу стран, где расселились русские: I отдел охватывал Францию, Италию, Нидерланды и Северную Африку; II — Германию; III действовал в Болгарии, IV — в Югославии, а V — в Бельгии. По мере дальнейшего рассеивания эмигрантов были созданы подотделы в Финляндии, США, Австралии, Бразилии и Аргентине². Каждый отдел поддерживал тесный контакт с местными организациями, основанными чинами Русской армии³.

Союзы и объединения были не просто кружками ностальгирующих ветеранов, но и группами взаимопомощи. Укрепляя «чувство локтя», они помогали с трудоустройством или оказывали финансовую поддержку солдатам и их семьям. Действуя вместе с религиозными, профессиональными и образовательными учреждениями — включая университеты, основанные в эмиграции, — они вдохнули жизнь в особый микросоциум, сообщество патриотов утерянной страны. Проводились праздники, собрания и молебны. Сформировалась собственная, независимая от страны-носителя публичная политика, сотканная из заголовков в русских газетах, посиделок в ресторанах с национальной кухней, собственного календаря и церемоний⁴. Белые видели себя последними столпами императорской России: именно они, изгнанники без паспорта и гроша в кармане,

¹ *Бояринцев М. И.* Эпоха 1937–1965 гг. // Columbia University. Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive, Mitrofan Ivanovich Boiarintsev Papers (BAR Ms Coll/Boiarintsev), Box 1. С. 33–34.

² *Robinson P.* The White Russian Army in Exile, 1920–1941. Oxford, 2002. P. 99–100.

³ *Chinyaeva E.* Russians outside Russia: The Émigré Community in Czechoslovakia, 1918–1938. München, 2001. P. 121–130; Путеводитель. Том 4 / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2004. С. 607 // Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции; *Чичерюкин-Мейнгардт В. Г.* Дроздовцы после Галлиполи // Дроздовский и дроздовцы / сост. и ред. Р. Г. Гагкуев. М., 2006. С. 634.

⁴ О прессе и иной культурной продукции эмигрантов: *Зеленин А.* Язык эмигрантской прессы (1919–1939). СПб., 2007; *Raeff M.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. New York, Oxford, 1990.

были, по их мнению, настоящими русскими¹. Сравнивая себя с теми, кто остался «там», в СССР, и превратился в советских граждан, эмигранты считали самих себя духовным источником, из которого их Родина должна была почерпнуть надежду на собственное будущее^{II}.

В то же время жизнь, протекавшая вне русского микромира, была сколь прозаична, столь и тяжела. Большинство, включая и старших офицеров, вынуждено было искать заработок в гражданской сфере. Интеграция в местное общество шла с трудом: эмигранты страдали от ограничения своих прав, и с юридической точки зрения рассматривались как апатриды, отказывавшиеся входить в советское гражданство. Для узаконивания их статуса норвежский дипломат Фритъоф Нансен, в 1921 г. ставший верховным комиссаром по вопросам беженцев в Лиге Наций, разработал специальное удостоверение личности — нансеновский паспорт^{III}.

В Париже, Берлине, Праге и Стамбуле, где компактно проживало значительное количество славянских и еврейских эмигрантов из Восточной Европы, белые русские превратили некоторые кварталы в настоящие этнические анклавы. Во французской столице они концентрировались в 15-м и 16-м округах, в коммуне Булонь-Бийянкур — центре расположения фабрик «Рено», где трудились почти пять тысяч русских рабочих, а также в Венсене и других местах. Там они стали плотниками, таксистами, официантами и фабричными рабочими; на севере Франции и в Бельгии многие взяли в руки шахтёрскую кирку^{IV}. Однако, окончив рабочий день, в кругу своих соратников они вновь превращались в офицеров империи.

Мало-помалу эти люди стали типичными жителями Берлина или Парижа межвоенной эпохи, а у коренных обывателей они вызывали как приступы ксенофобии, так и любопытство к прибывшим издалека чужакам. Если верить одному историческому анекдоту, то, будучи проездом

¹ *Robinson P.* Zemgor and the Russian Army in Exile // *Cahiers du Monde Russe*. 2005. Vol. 46. Iss. 4. P. 719–737 (особенно 720–721).

^{II} *Manchester L.* How statelessness can force refugees to redefine their ethnicity: what can be learned from Russian emigres dispersed to six continents in the interwar period? // *Immigrants & Minorities*. 2016. Vol. 34. Iss. 1. P. 70–91.

^{III} *Housden M.* White Russians crossing the Black Sea: Fritdof Nansen, Constantinople and the first Modern Repatriation of Refugees Displaced by Civil Conflict, 1922–1923 // *The Slavonic and East European Review*. 2010. Vol. 88. Iss. 3. P. 495–524; *Gousseff C.* L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride, 1920–1939. Paris, 2008.

^{IV} *Esch M.* Parallele Gesellschaften und soziale Räume. Osteuropäische Einwanderer in Paris, 1880–1940. Frankfurt am Main, 2012; *Johnston R. H.* New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Montreal, 1988; *Jevakhoff A.* Les Russes blancs. Paris, 2011.

в Париже в феврале 1935 г., генерал Франсиско Франко остановил такси, за рулём которого оказался русский генерал. Встреча заставила испанского военного задуматься о коммунистической угрозе¹.

Бесконечное идеологическое, культурное и даже этническое разнообразие российской эмиграции, расколотой на множество фракций и групп, было не только богатством, но и ахиллесовой пятой диаспоры с самого начала^{II}. Этот слой оставался разнородным. Для большинства военных эмигрантов объединяющим мотивом стал культ памяти Гражданской войны, он закреплял их националистические и имперские представления о мире. Как минимум ещё 20 лет немалая часть военных эмигрантов считала свою борьбу неоконченной. Они жили надеждой на «весенний поход» — интервенцию в СССР. Но годы шли, а советское государство не только не одряхлело после смерти Ленина в 1924 г., но, напротив, укрепилось при Сталине.

1930-е гг. привнесли новые энергичные споры и новый раскол относительно того, какую же стратегию избрать. На выбор предлагалось два варианта: сотрудничать с иностранными державами, ставившими целью разрушение советского строя, или же следовать собственным независимым путём. Примерно в это время оформляются два течения: «оборонцы» и «пораженцы». Первые воспринимали любое сотрудничество с интервентами как прямое предательство. Вторые утверждали, что в деле сокрушения большевизма допустимы любые средства, включая и подобное сотрудничество.

Многие офицеры по старинке ориентировались на Антанту и мечтали об альянсе с Великобританией или Францией. Иные считали неизбежной совместную работу с фашистскими державами. Большинство военных, а также приверженцы монархических и праворадикальных взглядов, держались «пораженческой» позиции^{III}. Идея некой «защиты России» вместе с Советами отвергалась ими как абсурдная, а фанатичный антибольшевизм

^I Cardona G. El gigante descalzo. El ejército de Franco. Madrid, 2003. P. 113. Автор добавил, что якобы тогда Франко и решил подписаться на французское антикоммунистическое издание, издававшееся русскими эмигрантами.

^{II} Katzer N. Die Weiße Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999. P. 495–532.

^{III} Волков С. В. Характер и перспективы Второй мировой войны в оценке русской военной эмиграции // Русское зарубежье и Вторая мировая война. IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 28–29 марта 2011 г.). Сб. докл. / сост. И. Ю. Белякова. М., 2013. С. 15; Информационный лист Алексеевцев // Вестник общества галиполийцев. 1936. № 38. 24 авг. С. 6–7 // UNC—CH/Savine.

побуждал участвовать в любом конфликте, где хоть нитевидно прощупывался пульс борьбы коммунизма и антикоммунизма¹. Как мы увидим далее, это мышление привело часть из них в Испанию, а позже и на родину в рядах оккупационных войск.

До июля 1936 г. присутствие русской эмиграции на Иберийском полуострове было скорее эпизодическим. С 1917 г. испанские власти придерживались запретительной позиции в отношении подданных бывшей царской империи, бегущих от революций и войн. Испанцы боялись проникновения революционных элементов, будь то большевики, меньшевики или ещё кто. По этой причине испанское государство так и не признало нансеновские паспорта. Согласно данным переписи 1930 г., в Испании проживал 171 русский (84 мужчины и 87 женщин). В основном они были сосредоточены в Барселоне и Мадриде, а также в Валенсии и Санта-Крус-де-Тенерифе; в большинстве своём эмигранты являлись торговцами, промышленниками или лицами свободных профессий, несколько человек занималось переводами русской литературы. Географическая разбросанность не позволяла создать прочное сообщество. Лишь в Барселоне несколько аристократов собирались для совершения православных служб в частной часовенке^{II}. К испанской диаспоре можно присовокупить не больше 30–40 русских, которые раньше записались в Испанский иностранный легион и проживали в протекторате Марокко.

«До странного то же самое»: русские солдаты генерала Франко

Пусть многие из русских офицеров и ступили на гражданскую стезю, изрядная часть продолжала видеть себя только как опытных кадровых военных. Как и многие демобилизованные военнослужащие Германии и бывшей Австро-Венгрии, некоторые белогвардейцы стали боевыми скитальцами, авантюристами, которые накапливали военный и гражданский опыт на разных континентах и в самых разных условиях. В перерыве

¹ Цурганов Ю. С. История антибольшевистской эмиграции в годы Второй мировой войны в документах Государственного архива Российской Федерации // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года. Сборник статей и материалов / сост. К. М. Александров, О. А. Шевцов, А. В. Шмелёв. СПб., 2012. С. 290.

^{II} *Aizpuru M.* Ciudadanía e inmigración: los exiliados rusos en España, 1914–1936 // Ayer. 2010. № 78. P. 171–193.

между двумя мировыми пожарами некоторые из них превратились в по-настоящему уникальных солдат¹. Русская речь зазвучала в целой россыпи военных конфликтов, в которых приняли участие вступившие добровольцами в чужие армии белогвардейцы. Кто-то сражался в силу своих убеждений, другим же было достаточно доли «дикого гуся», а иногда эти две позиции и сочетались.

Взять хотя бы следующие примеры. В декабре 1924 г. около 100 русских эмигрантов, находившихся под командованием полковника Кучука Касполетовича Улагая, участвовали в свержении правительства президента Албании Фана Ноли, лидера Июньской революции того же года. Улагаевцы встали на сторону его соперника Ахмета Зогу, который заручился поддержкой Югославии^{II}. В Маньчжурии сотни белых пошли в наём к самым разным военным царькам антикоммунистического толка^{III}. Порядка 70 белогвардейцев, обосновавшихся в Парагвае в 1924 г., сражались за эту страну в 1932–1935 гг., во время войны Чако с Боливией; самым известным из них был Иван (Хуан) Тимофеевич Беляев^{IV}. Кто-то построил военную карьеру в армиях независимых стран, бывших когда-то частью России^V. Наконец в 1920–1940 гг. под флагом Французского Иностранного легиона дрались почти 10 тысяч русских — первые вербовщики легиона заявили в Галлиполи уже в 1921 г. Русские составили 12 % от общей численности легиона, став в нём второй после немцев этнической группой. В некоторых частях они и вовсе преобладали: например,

^I War Volunteering in Modern Times. From the French Revolution to the Second World War / ed. by C. G. Krugerm S. Levsen. Basingstoke, 2011; Transnational Soldiers: Foreign Military Enlistment in the Modern Era / ed. by N. Arielli, B. Collins. Basingstoke, 2013.

^{II} Абданк-Коссовский В. К. Российские офицеры в изгнании // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 91–92; Austin R. C. Founding a Balkan State: Albania's Experiment with Democracy, 1920–1925. Toronto, 2012. P. 146–156.

^{III} Hutchins J. A. The Wrangel Refugees: A Study of General Baron Peter N. Wrangel's Defeated White Russian Forces, Both Military and Civilian, in Exile // MA Thesis. University of Louisville, 1972. P. 145; Окороков А. В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., 2013.

^{IV} Giovine Gramatchicof L. E. Aporte de los inmigrantes rusos al desarrollo del Paraguay. Asunción, 2009.

^V Сын православного настоятеля, полиглот Владимир Владимирович Богоявленский стал одним из самых успешных финских взломщиков советских радиокодов. После 1944 г. перешёл на службу в шведскую радиоразведку. — Никитин В. Состязание с бурей. Финская радиоразведка против СССР. СПб., 2020. С. 70, 96, 106, 286.

в 1-м иностранном кавалерийском полку (*1er régiment étranger de cavalerie*), созданном в 1921 г. из казаков¹.

В 1922 г. испанское военное министерство зондировало возможность масштабного набора белогвардейцев, проживавших в Центральной Европе и на Балканах, в *Tercio de Extranjeros* (дословно — «иностранная треть», здесь и далее — «терция», примерно соответствует полку) Испанского легиона, созданного в Марокко двумя годами ранее. Уже в 1921 г. несколько десятков русских и некоторые украинцы постучались в двери испанских посольств в Праге, Софии и Тунисе, желая завербоваться. Однако страх революционной заразы, пустивший корни в мадридских верхах, и опасения возможных контактов русских с прибывавшими на смену войсками из метрополии, не говоря уже о недостатке средств на перевозку новобранцев в Испанию, поставили крест на замысле, реализации которого желали и армия, и само командование легиона. Контакты с Врангелем и Беляевым ничего не дали. Провалилась и попытка возобновить переговоры в 1924 г., отчасти ввиду настойчивого желания Врангеля не распылять организованные белые части и направить своих людей в протекторат Марокко, где они могли бы создать полуавтономные поселения. В результате к 1930-м гг. в Испанский легион завербовалось лишь 32 русских¹¹.

Хотя Испанская гражданская война 1936–1939 гг. и не увлекла за собой большое количество белогвардейцев, это событие было наполнено огромным символическим значением для русского зарубежья. Казалось, партитура испанского конфликта разыгрывается по уже знакомым нотам русского социально-политического раскола¹¹¹. Всё это укладывалось в картину общеевропейской гражданской войны, в которой коммунисты

¹ *Porch D.* The French Foreign Legion. A Complete History of the Legendary Fighting Force. New York, 2010. P. 385–386; *Kohler Ch.* Die Fremdenlegion. Kolonialismus, Söldnertum, Gewalt 1831–1962. Paderborn, 2013. S. 35–36.

¹¹ *Ballenilla y García de Gamarra M.* La Legión 1920–1927. Lorca, 2010. P. 86–88, 111, 364. См. также: *Daranas M.* Los feligreses de la Santa Rusia // ABC. 6 de septiembre de 1942. P. 3–4. Русские представляли собой совершенно незначительный процент (0,13 % в 1930 г.) от числа иностранцев в терции, что контрастировало со множеством португальцев, немцев, латиноамериканцев и французов. В отличие от Иностранного легиона, подразделения которого почти не соприкасались с французскими частями, испанская терция регулярно сотрудничала с присланными из метрополии войсками, что подпитывало правительственные страхи по поводу большевистской «заразы».

¹¹¹ *Пчелинов-Образумов А. А.* Образ испанской республики (1936–1939) в прес-се российской политической эмиграции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 44–51.

и антикоммунисты бились насмерть в Венгрии, Германии, России и Финляндии. Русские в ней сами по себе были символом и вестниками страха перед большевистской революцией¹. Николай Александрович Рагозин, с весны 1922 г. бывший на службе в испанских ВВС и воевавший в Африке, рассказывал своим сослуживцам об увиденном во время революции: «...надеюсь, что приобрёл многих сторонников и приобрёл многих колебавшихся к “правому делу”»¹¹.

Очень быстро в речах восставших против испанской республики оформился один лейтмотив: всё вращалось вокруг предполагаемой ответственности СССР за начало конфликта и сервильной зависимости испанских республиканцев от Сталина, заинтересованного в превращении Испании в свою колонию. Речь шла о войне «испанцев против русских», о новой Реконките против иноземного коммунистического вторжения, поддержанного местными предателями. Эти аргументы по смыслу напоминали те, что использовали белые русские в 1917–1920 гг. и финские белые в ходе своей короткой гражданской войны в 1918 г.¹¹¹ В понимании многих ультраправых, воинствующих католиков и европейских радикальных консерваторов, в Испании на кону стояла защита веры Христовой и самой европейской цивилизации. Оборонять эти два принципа на стороне мятежников прибыли сотни ирландских, французских, португальских и латиноамериканских добровольцев. В этих условиях ковался опыт фашизма, пересекавшего национальные границы, и ультраправые всех оттенков взаимно влияли друг на друга¹¹¹¹.

Начало испанской войны в июле 1936 г. сильно повлияло на диаспору. Сокрытое от внешнего наблюдателя боевое крыло русского зарубежья пришло в состояние возбуждённости. Рассказывали, что некоторые

¹ *Traverso E.* A sangre y fuego. De la guerra civil europea, 1914–1945. Buenos Aires, 2009; *Katzer N.* Der Weiße Mythos: russischer Antibolschewismus im europäischen Nachkrieg / Hrsg. von R. Gerwarth, J. Horne // Krieg im Frieden. Paramilitärische Gewalt in Europa nach dem Ersten Weltkrieg Göttingen. 2013. S. 57–93.

¹¹ *Рагозин Н. А.* Рука Провидения // Морские записки. The Naval Records. 1954. Vol. XII. № 3. С. 33 // UNC–CH/Savine.

¹¹¹ *Núñez Seixas X. M.* ¡Fuera el invasor! Nacionalismos y movilización bélica durante la guerra civil española (1936–1939). Madrid, 2006. P. 180–189, 245–261.

¹¹¹¹ *Keene J.* Luchando por Franco. Voluntarios europeos al servicio de la España fascista, 1936–1939. Barcelona, 2001; *Кин Д.* Сражаясь за Франко: русские белоэмигранты на стороне националистов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 1 (82). С. 207–228; *Othen C.* Las Brigadas Internacionales de Franco. Barcelona, 2007.

и фильтром, через который он оценивал успехи неродной державы и её прошлое. Для Кутукова и его аудитории добровольцы-эмигранты помогли Испании победить коммунистов, зажечь по-новому, а посему для них это были русская жизнь и русская история — в конце концов, *только в этой её версии белые вышли триумфаторами*¹.

«Загадка жизни»: Владимир Иванович Ковалевский

Автор представляемых воспоминаний мало чем отличался от средне-статистического русского волонтёра Испанской гражданской войны, записавшегося потом в Голубую дивизию. О его биографии до 1936 г. известно сравнительно мало, в особенности о первых важных 15 годах его жизни в эмиграции. Его жизнь после Второй мировой войны скрыта за завесой тайны — мы даже не можем назвать дату его смерти и место погребения. Не удалось обнаружить и хоть какой-нибудь фотокарточки.

По предоставленным им самим в момент приёма в Голубую дивизию сведениям, а также по данным 1944 г., Владимир Ковалевский был сыном Ивана и Маргариты (этническая шведка) и родился в Харькове 30 марта 1892 г. В том же городе проживала его сестра Галина. Родным языком его был русский. В 1941 г. он был холостым, боевого вида человеком ростом 180 см, со светлыми волосами, голубыми глазами и смуглой кожей.

Ковалевский был выпускником 1-го Киевского Константиновского военного училища и участвовал в Первой мировой войне с 1914 г. Испанцы много лет спустя напишут, что он был пехотным лейтенантом (поручиком) и очень хорошо разбирался в автоматическом оружии. Согласно меморандуму Болтина, Ковалевский служил в Георгиевской роте — одном из самых первых формирований Добровольческой армии генерала Лавра Георгиевича Корнилова. В феврале 1918 г. рота была влита в состав Корниловского ударного полка. Позже — неизвестно, когда точно, — Ковалевский командовал пулемётным расчётом в 1-м Кубанском стрелковом полку, созданном в марте 1918 г. В любом случае он прошёл Первый Кубанский («Ледяной») поход.

В 1920 г. Ковалевский покинул Крым вместе с Врангелем и очутился в лагере в Галлиполи. Как сложилась его судьба дальше? В 1944 г. он утверждал, что служил прапорщиком в английской армии и в чине сержанта

¹ *Кремнев Н.* Мадридский военный музей // Суворовец. 1952. № 21. 31 мая. С. 3 // Российская государственная библиотека (РГБ).

во Французском иностранном легионе¹. Существует информация, что он сражался в Чакской войне 1932–1935 гг., однако подтверждений этому нет^{II}. Согласно Яремчуку, в Галлиполи Ковалевский «был юнкером какого-то военного училища, поступил во Французский Легион в Африке на пять лет, сбежал и попал в Югославию, окончил там университет по отделению романских языков, потом явился во французское консульство в Белграде с повинной — мол, судите меня... но там только посмеялись и отпустили его с миром»^{III}. В Белграде он был чемпионом русского шахматного клуба.

В начале лета 1938 г. Ковалевский и Трингам отправились в Испанию. Это было не так просто: единственный представитель франкистского правительства на Балканах, Педро Прат-и-Соутсо, проживал в Бухаресте, поэтому получение въездных документов очень затянулось. Оформив туристическую визу, русские выехали в Италию, где явились к военному представителю франкистов, снабдившему их комплектом испанских документов, билетом на пароход и небольшим количеством денег. Прождав пять дней в Генуе, они сели на пароход до Севильи, а оттуда добрались до Памплоны^{IV}.

1 июля оба эмигранта присоединились к терции «Наварра», подчинявшейся 11-й дивизии. Ковалевский был распределён в пулемётную роту, а Трингама оставили при штабе^V. 11-ю дивизию постоянно перебрасывали с одного горячего участка на другой. 21–22 августа она прорвала фронт у села Асутан, взяв без боя сёла Альдеануэва-де-Барбарроя и Ла-Нава-де-Рикомалильо. Республиканцы провели неудачную контратаку с тыла и потеряли 300 человек пленными. Так Ковалевский получил

^I AGMS. Trasn. 82, 113. Instancia de V. Kovalevski a la Jefatura Provincial de Milicias de Guipúzcoa. San Sebastián. 15 de enero de 1944.

^{II} Так утверждают, не цитируя источников, Кристиан Гарай Вера и Хосе Луис Орелья. См.: Подданные традиции. «Белые русские» в испанской «Рекете» и других воинских частях националистов в 1936–1939 гг. // Русский сборник: СССР и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. / отв. сост. О. В. Ауров. М., 2016. С. 364. Однако его имя не отражено в списке из почти 70 русских белых офицеров, прибывших в Парагвай в 1924 г. — начале 1930-х гг. и сражавшихся в войне Чако (*Gramatchicof L. E. Aporte de los inmigrantes rusos al desarrollo del Paraguay*).

^{III} Яремчук 2-й А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 172.

^{IV} Трингам А. Краткая история... // ЦМВС РФ–ДФ. 4/47. 762/1. С. 1.

^V AGMS. Trasn. 82, 113. Declaración jurada de V. Kovalevski. 18.1.1944; *Herrera Alonso E. Los mil días del Tercio Navarra: biografía de un tercio de requetés*. Madrid, 1974. P. 251–252.

испанское боевое крещение. В начале октября 1938 г. он вместе со своими соратниками ездил на Серро дель Контадеро (высота 1639) в русский отряд терции «Донья Мария де Молина» справлять день святого Иоанна Богослова¹.

Особенно кровопролитны были бои 7–8 января в секторе Монтерубио — Эстремадура, о которых Ковалевский вспоминал отдельно:

«Вначале где-то слева одиноко прозвучал оружейный выстрел, а затем кругом, впереди справа и слева, воцарился какой-то ад: это не были отдельные разрывы отдельных гранат, а сплошной какой-то рёв, лязг и грохот. По временам было так светло, что были видны искаженные лица моих сотоварищей, но главное — руки, десятки рук, бросающих гранаты куда-то в пространство. Пулемёт начал строчить, но на середине уже первой ленты дал задержку, да и, по правде сказать, он уже мало мог принести пользы. Крики “Вива Испанья!”, “Вива Республика!” сливались с воплями раненых. <...> На рассвете — новая атака красных на 1-ю роту. Охватив повисший в пространстве незащищенный её правый фланг с трёх сторон, красные закидывали дождём гранат остатки роты, цепляющиеся за скалы. При дневном свете жуткое впечатление производил этот бой. Люди как будто бы играли в баскетбол [так] или снежки. Тяжёлые гранаты летели ввысь, разматывая за собой длинную белую ленту. Рвались они со страшным треском, производя вокруг опустошение. Если граната разрывалась слишком близко от человека, череп его лопался как скорлупа. Страшна картина поля после таких боев. Несчастные окружённые рэкетэ 1-й роты металась по скалам, прячась то по одну, то по другую их сторону в зависимости от того, откуда приближался противник. Часто не все успевали перебежать на другую сторону, и я сам видел, как с воплями свалился один рэкетэ, убитый гранатой, брошенной его же сотоварищами. Ужасно быть зрителем такого боя. Не имея возможности подойти на выручку своим, мы ружейным и пулемётным огнем осыпали атакующего противника. На поддержку из штаба бригады шел батальон “Мелилы”. Атака была отбита. Мы облегчённо вздохнули»¹¹.

¹ Гренадер [Болтин Н. Н.]. Письма из Испании // Часовой. 1939. № 234. 1 мая. С. 4.

¹¹ Ковалевский В. И. Как дралась «Наварра». Описание боя 7–8 января 1939 г. Сектор Монтерубио — Эстремадура // ЦМВС РФ–ДФ. 4/47. 763/1. Л. 3–4, 6.

В январе 1939 г. он был направлен на фронт в Бадахос, а в конце февраля переведён в сектор Толедо — Талавера. 23 марта Ковалевский перешёл в терцию «Донья Мария де Молина», где и прослужил до конца войны в пулемётной роте. Он недолго нёс охранную службу и тренировал солдат в Лирие в провинции Валенсия. 3 мая 1939 г. участвовал в параде победы в Валенсии^I.

Как и большинство его соратников, после демобилизации 1 июня Ковалевский оказался без средств к существованию. Он получил двухмесячный отпуск с содержанием, который провёл в созданной Болтиным художественной труппе русских рекетистов, колесившей по Испании и развлекавшей публику исполнением русских народных песен и плясок. Во время небольшого летнего турне актёрам-ветеранам удалось собрать средства в пользу Общества сирот войны (*Colegio de Huérfanos de Guerra*) — организации, находившейся под личным патронажем супруги Франко, Кармен Поло, которая встречалась с русской труппой. Русских хорошо принимали там, где они были, в чём многие видели ещё один знак политических уз белых и испанских антикоммунистов. Как вспоминал об этой беззаботной поре Трингам, «в те времена блаженные с нами цацкались как с победителями; одели нас в штатское платье вплоть до галстуков и окружили нас вниманием»^{II}.

Началась Вторая мировая война. Основное мнение среди труппы было, что ввязываться в чужой конфликт между Францией и Германией глупо, а нужно выжидать. Согласно Яремчуку, 18 сентября Ковалевский поругался с соратниками на этой почве, обозвал всех трусами и уехал в Сан-Себастьян, откуда собирался отправиться воевать за французов. Очевидно, это ему не удалось, и он остался в Испании. В начале октября 1939 г. Ковалевский вместе с несколькими эмигрантами был принят в испанское подданство^{III}. Только после этого он смог воспользоваться плодами усилий Болтина, который просил разрешить русским бойцам вернуться к военной службе на должностях младших и средних офицеров. Ковалевскому

^I Яремчук 2-й А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 368; Марковчин В. В. Русские испанцы: век XX // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. «История и право». 2017. № 2 (23). Т. 7. С. 120–121; Семенов К. К. Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. С. 146; *Seменов К. 'Biali' Rosjanie przeciwko czerwonej Hiszpanii. Rosyjska 'biała' emigracja w czasie wojny domowej w Hiszpanii (1936–1939)* // *Glaukopis*. 2015. No. 32. P. 24.

^{II} Трингам А. Краткая история... // ЦМВС РФ–ДФ. 4/47. 762/1. С. 5.

^{III} Boletín Oficial del Estado. 6 de octubre de 1939. P. 5.604.

был присвоен чин младшего лейтенанта (*alférez*), но при распределении в Национальную милицию в силу 47-летнего возраста его вновь понизили до сержанта — максимального чина в этих частях.

В мае 1940 г. Ковалевский, за несколько месяцев до того вступивший в Испанскую традиционалистскую фалангу, был направлен в управление Национальной милиции в провинции Гипускоа. Туда же поехали ещё двое русских. Первым был аристократ, полковник русской службы и сержант у испанцев, Владимир Абрамович Двойченко, родившийся в 1884 г. в Крыму и приходившийся Ковалевскому дядей. Вторым был уже упоминавшийся Бибиков, уроженец Владимира, ветеран Французского иностранного легиона, в Испании дравшийся в рядах уже Испанского легиона. Грузин Гогиджаношвили до начала мая был их сослуживцем.

Это было спокойное место службы. Задачей русских являлась военная подготовка молодёжи под контролем армии — с учётом богатейшего опыта этих людей это было нетрудно. По другую сторону границы, во французском Биаррице, при желании можно было найти проживавших там русских. Но новая война лета 1941 г. и моментально стартовавшее создание Голубой дивизии прервали сложившийся ход вещей. Предположительно, Бибиков, Двойченко и Ковалевский приняли участие в небольшой антисоветской демонстрации, проведённой под эгидой Испанской фаланги 25 июня в Сан-Себастьяне¹.

В Голубую дивизию из трёх человек смогли записаться только двое. Двойченко остался в Сан-Себастьяне, поскольку в солидном возрасте 57 лет он оказался негодным к строевой службе, и ему оставалось лишь пожелать удачи тем, кто ехал «на Восток», пусть сам он и не желал победы немцам. Через несколько лет Двойченко скончался¹¹. Возраст был очевидной проблемой. Кандидатура Ковалевского при первой попытке пойти добровольцем вызвала сомнения у испанского начальства: в списке русского персонала, приданого дивизии, кто-то от руки приписал напротив его фамилии слово «старый». Каким-то образом этот момент был обойдён, и Ковалевского приняли.

По плану он должен был выступать в роли переводчика. На деле же Ковалевский сменил целую плеяду ролей: был при конюшне, в обозе, воевал на передовой, выполнял задания штаба дивизии, переводил и искал партизан. С 1 июля по 29 ноября 1941 г. он числился при 4-й пулемётной

¹ San Sebastián se manifiesta contra la Rusia soviética // La Voz de España. 26 de junio de 1941. P. 1.

¹¹ De Urbino J. Rusos blancos en San Sebastián.

роте 262-го пехотного полка. В ноябре его перевели на службу в штаб-квартиру в качестве переводчика второго отдела, ведавшего задачами контрразведки и пропагандистского сопровождения. Также, по его собственным записям, сделанным три года спустя, он вместе с Гражданской гвардией (*Guardia Civil*) был задействован «в операциях по зачистке [тыла], был среди бойцов, захвативших главный штаб снайперов», но 27 февраля 1942 г. по болезни был эвакуирован в военный госпиталь в Григорово. На следующий день его перевели в тыловые части, вследствие чего Ковалевский окончательно покинул прифронтовую зону и очутился в военном госпитале близ Кёльна, где и оставался до полной демобилизации¹.

17 мая 1942 г. он пересёк испанскую границу и вернулся на свой прежний пост в управлении милиции в Сан-Себастьяне. Как минимум до февраля 1944 г. он проживал там же, добиваясь признания выслуги лет; очевидно, это было связано с необходимостью на что-то существовать. Он оправился от ран и был годен к военной службе, однако назад его уже не тянуло: войне он предпочёл должность бухгалтера в интендантстве^{II}. Нам не удалось выяснить, вступил ли Ковалевский во Франкистскую гвардию после роспуска Национальной милиции в июле 1944 г. или же его отрядили на какую-то иную должность.

После 1944 г. его следы практически теряются. Скорее всего, он продолжал жить в Испании^{III} и изредка общался как минимум с Яремчуком. В 1965 г. он опубликовал в «Часовом» коротенькие воспоминания, написанные ещё в 1939 г.^{IV} В 1973 г. в Испании вышла статья о русских

¹ Эту небольшую группу раненых и выздоравливающих горячо встретили местные власти и представители фаланги. Несколько дней спустя раненых навещил фалангистский руководитель Дионисио Ридруэхо, также вернувшийся из России за несколько недель до того. — El paso de heridos y repatriados de la División Azul // Unidad. 18 de mayo de 1942. P. 1; Regreso de voluntarios // La Voz de España. 19 de mayo de 1942. P. 2; El regreso de los héroes // La Voz de España. 20 de mayo de 1942. P. 1, 5.

^{II} AGMAV 6237/41, 5537/28, 24017/2. Instancia de Vladímir Kovalevski ante la Jefatura de Milicias de Guipúzcoa. San Sebastián. 8 de febrero de 1944. Ficha de inscripción en la División Azul. 20 de junio de 1941; Informe de Nikolái Boltin. Madrid. 12 de febrero de 1942; AGMS. Trasm. 82. 113. Informe médico. San Sebastián. 24 de enero de 1944.

^{III} Возможно, в Сан-Себастьяне или провинции Суансес. Существует неподтверждённая информация, что в 1962 г. он был повышен до чина капитана Рекетэ и ушёл на покой в Бильбао. — *Barruso J., Sagarra P.* Por el Zar y por la Patria. Rusos blancos en la guerra civil española y la II Guerra Mundial, 1935–1945. Madrid, 2019. P. 122.

^{IV} В. [владимир] К. [овалевский], *первопоходник, «рекетэ»*. Как дралась «Наварра»! (Очерк из боевой истории Испанской гражданской войны) // Часовой. 1965. № 471 (9). Сент. С. 8. Опубликованный текст стилистически отличается от сохранившегося оригинала.

В. И. Ковалевский

**Синяя дивизия
и поход в Россию**

От ликующих, празднично-болтающих,
Обагривших руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Н. А. Некрасов, «Рыцарь на час»

Предполагая писать воспоминания о «походе в Россию», я заявляю, что беру на себя работу не по силам. Двадцать лет пребывания за границей, отсутствие русского общества и русских книг в последние четыре года моего пребывания в Испании сделали то, что я стал забывать родной язык. В мои 50 лет мне часто стоит неимоверного труда подыскивать выражения, слова, адекватные излагаемой мысли. Оттенки русского языка, богатейшего в мире языка по своим нюансам, ускользают теперь из моей памяти. И с горечью я должен признать, что лучшее, самое ценное, что я хотел высказать, застыло в мёртвых и окаменелых фразах.

Но «если нет сил, то похвально одно желание»¹. И поэтому я думаю, что предупреждённый читатель прочтёт мои воспоминания со снисхождением. Пишу я как для тех, которые сейчас находятся по ту сторону фронта², так и для моих собратьев по изгнанию, рассеянных по всему миру.

Подсоветскому человеку я хотел бы объяснить психологию нас, людей прошлого. Людей, не хотевших примириться с коммунистическим гнётом, ушедших за границу, но сохранивших, несмотря на 20 лет изгнания, горячую любовь к покинутой Родине. А эмигранты, прочтя мои записки, поймут, как тяжёл был мой крест в этой борьбе Запада с СССР. Как бережно я старался отделить «советское» от «русского», и как часто было трудно защищать братьев своих от карающей руки беспощадного врага. Физически больной и морально разбитый, я вернулся в Испанию, не дождавшись развязки этой борьбы³. Почему? Читатель сам найдёт ответ в моём неинтересном изложении.

Автор

Часть первая

Путь

Июнь 1941 г. Сан-Себастьян

Уже с середины месяца стало вырисовываться, что Германии предстоит новая война. Война с СССР. Идеология этих двух тоталитарных государств была столь различна, интересы их столь часто приходили в столкновение как в далёком прошлом (война 1914 г.⁴), так и в последнее время (Балканы; протест СССР после раздела Югославии⁵), что мало кто верил в прочность «дружбы», плодом которой был раздел Польши⁶.

В этой Польше теперь «союзники»⁷ концентрировали свои войска. Пресса обеих стран, как всегда, отрицала возможность возникновения войны, признавая только некоторые расхождения во взглядах. Но в ночь на 23 июня посол Германии вручает в Москве ноту, заключающую объявление войны⁸, между тем как самолёты Второго Рейха⁹ уже громят советские аэродромы. Так началась эта грозная война, в которой с обеих сторон приняли участие вооружённые силы, невиданные ещё в Истории по своим размерам.

Легко представить себе настроение русской эмиграции в дни, предшествовавшие развязке. Слова Брюнетти¹⁰ как нельзя более подходят к русским: «Они как евреи, при каждом ударе грома и при приближении грозы высовываются из окон, чтобы посмотреть — не наступил ли час прихода Мессии».

Радужные надежды окрылили эмиграцию. Создавались проекты. Возможность возвращения на Родину с «развёрнутыми знамёнами» не подлежала сомнению. Час реванша, казалось, наступал, и восстановление Национальной России было не за горами. Характерно и то, что Гитлера, которого два года тому назад, в эпоху союза Германии с СССР, некоторые называли антихристом, теперь превозносили как национального героя.

Большинству сама война представлялась как предприятие лёгкое и кратковременное — что-то вроде парадного марша германских бронированных армий. Всеобщее мнение было, что уже к Рождеству СССР перестанет существовать как государство. Высказывать сомнения по этому

поводу даже было небезопасно, чтобы не быть причисленным к лагерю советофилов¹¹.

Нам, русским, осевшим в Испании, повезло: сразу же по открытии военных действий на Востоке стали у нас поговаривать о призыве добровольцев и о создании экспедиционного корпуса. С присущей испанцам напыщенностью газеты начали трубить о необходимости для Испании вновь «обнажить меч» в защиту христианства и на благо культуры. По всей стране происходили шумные манифестации, требующие участия Испании в походе на большевистскую Россию¹². «Да умрёт Россия!», «Конец коммунизму!», «Ведите нас на Москву!» — таковы были плакаты, возглавляющие эти проявления народного гнева. А 25 июня правительство, внемля «гласу народа», открывает запись добровольцев¹³. И таким образом создавалась возможность и нам, «белым русским», вновь сражаться с «красными» и уже на своей родной территории.

Но ПРАКТИЧЕСКИ вопрос оказался не так легко осуществимым. Осложнения возникали одно за другим. О создании отдельной русской части — мечта нашего возглавителя Н. Н. Болтина¹⁴ — нечего было и думать. Допустить наше участие в Испанском Экспедиционном Корпусе с чином, приобретённым в Российской Армии, тоже было отказано германским посольством, согласно приказу Гитлера, не допускавшего участия «белых русских», хотя генерал Франко и распорядился: «Отправить этих сеньоров с теми чинами, которые они имели в Российской Армии»...¹⁵ Но хозяевами были немцы¹⁶.

Приходилось довольствоваться немногим: для тех русских, которые по окончании Испанской гражданской войны продолжали оставаться в армии и Милиции¹⁷, этот вопрос разрешался легко — их принимали с их чином, а остальным же не оставалось ничего другого, как поступать рядовыми. Надо знать условия жизни испанского солдата, его дисциплинированность, а главное — предубеждение против всякого иностранца, чтобы понять, как было тяжело нам, русским, решиться в «походе на Россию» идти в качестве рядового испанской армии. Поэтому число записавшихся русских было незначительно. Всего 11–12 человек, из которых только 4 шли как офицеры¹⁸. Мне и моему приятелю А. В. Бибикову¹⁹, служившим в Милиции в Сан-Себастьяне сержантами, «повезло»: наш чин был нам сохранён¹.

¹ Впоследствии мне пришлось несколько разочароваться, ибо выяснилось, что в мои годы переводчиком и рядовым было бы спокойнее. — *Прим. авт.*

Материальные условия записи были блестящи²⁰: 1000 пезет на обмундирование, месячный оклад равен таковому же в Легионе, увеличенному на 30 %, но главная приманка была та, что место, занимаемое записавшимся, сохранялось за ним с оплатой содержания — жалование полностью получала семья уходящего или он сам по возвращении. Наплыв был огромен²¹. Возраст поступавших был ограничен: от 20 до 28 лет. Кроме того, требовалось быть приписанным к Фаланге²². Но не знаю, потому ли, что само поступление в Фалангу было открыто всякому и каждому, или потому что при записи не соблюдались строго требования, но факт тот, что «красный элемент» сумел просочиться в среду добровольцев. Об этом красноречиво свидетельствуют неоднократные случаи перехода²³ испанцев на сторону большевиков в самом начале операций.

Сама вербовка, по своему существу, уже тем была чревата плохими последствиями, что записавшихся не предупреждали о тяжёлых невзгодах, которые им предстояли, и наконец главное — о кровопролитных боях. Вместо этого говорили о парадах в Берлине и Москве, о триумфальном шествии по России, а главное — обещали скорое возвращение на Родину.

Заблуждались настолько, что боялись «не успеть ко взятию Москвы»...²⁴ О спешности свидетельствовало и то обстоятельство, что ранее окончания записи (2 июля) уже отправляли эшелон (1 июля)²⁵ на пункт сосредоточения экспедиционного корпуса.

Проводы были очень торжественны. По улицам маршировали под звуки духового оркестра. Впереди шли мы с Бибиковым, как знаменосцы²⁶. Сзади шли длинные шеренги записавшихся. Импозантности процессии мешало только то, что все были одеты весьма пёстро. В нашем бюро записи выдали отъезжающим только красный берет (*boina roja*¹) и синюю рубашку (*camisa azul*). Публика, довольно многочисленная, на нашем пути приветствовала нас холодно. Кое-кто из родных плакал. Многим из нас это казалось почти смешным: ведь мы уезжали в приятное и непродолжительное путешествие...

На вокзале в Сан-Себастьяне нас ожидали власти (*autoridades*¹¹): был произнесён ряд горячих речей, долженствующих поднять настроение как

¹ В некоторых случаях автор допускает орфографические ошибки (к примеру, «Cruzada» вместо «Cruzada» или «Esрапа una...» вместо «Esрапа, una»). Подобные мелкие ошибки в настоящем издании исправлены без оговорок. Все иностранные слова выделены курсивом; все сноски к этим словам принадлежат переводчику. — *Прим. пер.*

¹¹ *Autoridades* (исп.) — представители властей.

отъезжающих, так и остающихся. Затем спели национальные гимны (таковых три: королевский марш, гимн Фаланги и гимн карлистов); прокричали: «¡España, una, grande y libre!»¹; прокричали: «Franco! Franco! Franco!»; и после распределения иконок и амулетов поезд тронулся. Это было 1 июля 1941 года. В этот день я не поехал, остался, чтобы на следующий день повести другой эшелон.

2 июля мы поехали уже, так сказать, «запросто». Кроме представителей Милиции и Фаланги, на вокзале никого больше не было. Эшелон в добрых 40–50 человек возглавляли мы — два сержанта. Сан-Себастьянская милиция дала только одного офицера как добровольца. Другие, как правоверные фалангисты, записались, но по состоянию своего здоровья не сочли возможным участвовать в Крестовом походе (*Cruzada*) против большевиков.

Став временным «вождём» этого маленького отряда, я, зная распущенность испанцев, сильно опасался каких-либо осложнений и инцидентов в пути. Но ребята, как они ни смотрели легкомысленно на будущее, сильно присмирели: галдели в вагоне, но умеренно, а на станциях, которые мы проезжали, за кратковременностью остановок не успевали «накачаться».

Только приблизительно на полпути до Бургоса, на станции Витория, мы имели большую остановку. Здесь одна мать, разыскивая своего 17-летнего сына, сбежавшего тайно из дому, нашла его среди моего эшелона. Произошла душераздирающая сцена: обеими руками охватила она своего сына, пытавшегося вырваться, и, боясь, чтобы его не отняли у неё вновь, криками и рыданиями пыталась вызвать сочувствие у публики, находившейся на перроне. «Они отнимают у меня единственного сына, чтобы везти его в далёкую холодную Россию. Он там умрёт от холода, или его убьют эти варвары. Не дам, не дам, не дам!..» Но никто уже не думал его отнимать у неё.

Когда же узнали, что я — сержант эшелона — русский, враждебно настроенная публика буквально осадила вагон. Раздавались угрожающие крики. Надо было скорее уезжать²⁷. Я попросил кондуктора поторопить поезд, и мы тронулись, оставив сына матери.

Впоследствии в России я вспомнил эту мать, у которой самые заманчивые условия службы её сына не могли заглушить тяжёлых предчувствий. И этим она спасла своего сына.

¹ España, una, grande y libre (исп.) — лозунг франкистской Испании: «Великая, единая и свободная Испания».

Бургос

Прибыли в Бургос, столицу Национальной Испании во время гражданской войны, после 6 часов вечера. Здесь мы застали уже много эшелонов из других городов северо-западной Испании. Вереницы прибывших тянулись через весь город по направлению пехотных казарм. На большом казарменном дворе кипело необычайное оживление: солдаты, фалангисты и просто люди в штатском шныряли в том или другом направлении или беседовали, собравшись в группы. Там и сям можно было видеть шумные встречи друзей с типичными испанскими объятиями, выражающимися в «похлопывании друг друга по почкам».

Два-три офицера суетливо и бестолково пытались произвести классификацию вновь прибывших. Но люди, казалось, делали всё возможное, чтобы помешать и без того трудной работе: уходили с назначенных им мест, не откликались на производимую переключку и всем этим способствовали созданию нескончаемой неразберихи. Поэтому можно было прождать здесь долгие часы и не быть прикомандированным ни к одной формируемой части.

Я довольно безнадежно смотрел на своё положение, но помощь пришла оттуда, откуда я менее всего ожидал. Ко мне, совершенно чуждому на этом дворе, подошёл незнакомый человек с русским лицом, одетый в штатское и представился: «Павел Иванович Рашевский»²⁸. Тот Рашевский, которые в своё время, года 2–3 тому назад, заставил так много говорить о себе. Герой — один из первых русских добровольцев в Испании, по обстоятельствам, до сих пор не выясненным, был посажен в тюрьму, где и просидел около двух лет. Сейчас каким-то чудом вышел из заключения, и вновь собирается ехать воевать. Узнав о моей «неприятности», сразу же взял на себя устройство, и через 10–15 минут я был причислен к одной из пулемётных команд. Узнал я от него, что нас, русских, в Бургосе всего только трое и что сам он прикомандирован к одной из батарей, а Бибикив — к противотанковой части.

Поражался я энергии и беззаботности Рашевского. После двух лет заключения, с разбитой семейной жизнью и в конце расстроенным здоровьем он радужно, чисто по-детски смотрел на будущее. Не смущало его и то, что чином он только испанский «*cabo*» (капрал) и что над ним висит угроза вновь попасть в тюрьму. «Со стэкком в руке и в белых перчатках я буду на фронте!» — неоднократно повторял он. Не знаю, хотел ли он этим выразить полное равнодушие к чином или презрение к врагу... и к испанцам.

Наскоро представился я командиру своей пулемётной команды, а затем направился в город в поисках ночлега. Было уже поздно, а нам, сержантам, в казарме койки не полагалось. Кормиться тоже надо было на свои средства. И так как наше пребывание в Бургосе затянулось на 12 дней, то пришлось израсходовать 500–600 пезет за это время. Первые дни снимал я комнату в частном доме, а столовался по дешёвым столовым, но затем удалось найти полный «пансион» за 13 пезет в день.

Первое впечатление от роты было неплохое. Временным командующим был полуслепой капитан из Легиона. Помощник — поручик (*teniente*)¹, тоже боевой офицер с 4 ранениями в Испанской гражданской войне²⁹. Производил он впечатление человека, у которого «не все дома», но в общем он был прекрасный и симпатичный человек. Из трёх *alféreces*^{II} (подпоручиков) только один Р. был отвратительный тип: грубый, глупый и с безграничным самомнением и самохвальством. Впоследствии ещё он оказался отъявленным трусом и очень скоро смылся с позиции в обоз. Вся хозяйственная часть и канцелярия лежали на плечах *brigada*^{III} (*Feldwebel*^{IV}), молодого человека, но уже отягощённого семьёй. Человек он был неплохой, но по безграмотности своей с первого же дня попал в руки «дельцов», людей ловких и бесстыжих, которые больше заботились о собственном обогащении, чем об интересах людей роты.

О новом командире роты, капитане Fernandez³⁰, ходили недобрые слухи — якобы он самодур и придирчив к мелочам. И действительно, испанцам, не привыкшим к дисциплине, он показался вначале «грозой». Но, по моему мнению, он был блестящий офицер, лучший из всех испанских офицеров, которых я видел в Испании. Строгий к самому себе, он приходил на занятия раньше других офицеров и часто раньше многих сержантов. Сыпались наказания на избалованных и распущенных унтер-офицеров, но в конце концов капитан добился порядка в своей роте.

День распределялся так: к 7 часам мы должны были быть в роте. От 8 до 12 — строевые занятия в дубовой роще вблизи казармы. Надо соznаться, что для меня в 50 лет было тяжело маршировать целыми

¹ Teniente (исп.) — лейтенант, эквивалент поручика в Русской армии.

^{II} Alféreces (мн. ч., исп.) — младший лейтенант, эквивалент подпоручика.

^{III} Brigada (исп.) — бригада, эквивалент подпрапорщика.

^{IV} Feldwebel (нем.) — фельдфебель, эквивалентный сержанту чин.

часами и заниматься ружейными приёмами, но ничего не поделаешь — должности переводчика при команде не полагалось, а я был такой же сержант, как и другие, с той только разницей, что они имели по 22, максимум по 30 лет, а я — 50.

После обеда — занятия от 3 до 5 [часов], обычно была теория. Полагалось изучать уставы, но так как обычно в эти часы капитан не приходил, то люди просто слонялись по обширному двору казарм, с нетерпением ожидая часа выхода в город.

Тоскливо и однообразно тянулись дни пребывания в Бургосе. Свободное время я проводил в обществе П. И. Рашевского. Он оказался милейшим и чудеснейшим собеседником. Тягостной для меня была необходимость составлять ему компанию в его вечных посещениях кафе и питейных заведений, ибо, к прискорбию, надо сознаться, что этот добрейший человек был усердным поклонником Бахуса. Надо сказать, вёл он себя всегда безупречно, только от лишней выпитой рюмки оживлялся, вспоминал тяжёлые годы, проведённые в тюрьме, и строил планы на будущее время, где он будет фигурировать «со стёком и в белых перчатках»...

Но всему наступает конец. Всё было готово для нашего отъезда: людей приодели, офицеры и сержанты обновили свои униформы, а приехавший командир полка, полковник Pimentel³¹, произвёл смотр. Не знаю, весьма вероятно, что в прошлом он был хороший боевой офицер, но в настоящее время он производил впечатление старой обрюзгшей бабы. Попотчевал он нас высокопарной речью, которую он истерически выкрикивал, вращая грозно своими глазами. Современный Мар в образе Тартарена³².

13 июля, утром, тронулись в путь. Церемониальным маршем мы прошли по улицам Бургоса, и на вокзале опять удостоились выслушать ряд напутственных речей. Сцена в Сан-Себастьяне повторилась, но только в более обширном масштабе. Вообще, сколько словоблудия... Думаю, что Испанская Синяя Дивизия выслушала перед своей отправкой не меньше речей, чем в ней состояло воинов...

Должен ещё раз упомянуть, что бедному Рашевскому не удалось уехать с нашей дивизией. Он всё ещё состоял на учёте в местной полиции, которая его задержала. Много позже я узнал, что он таки выбрался из столь негостеприимной для него Испании и был прикомандирован немцами, кажется, к венгерской армии. Думаю, что он не прогадал...

Комментарии

¹ *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas* («Пусть недостаёт сил, следует все-таки похвалить за добрую волю») — латинский афоризм, здесь приведен как цитата из «Понтийских писем» Овидия.

² Речь идёт о фронтах холодной войны, то есть о людях, находящихся в СССР.

³ Заболевший Ковалевский был направлен в военный госпиталь Григорово 27 февраля 1942 г., а оттуда в тыловую госпиталь в окрестностях Кёльна, где оставался до демобилизации. Он вернулся в Испанию 17 мая 1942 г.

⁴ Смысловая неточность. СССР не был тождественен Российской империи: последняя не являлась тоталитарным государством, а первый не существовал в 1914 г., когда Россия вступила в войну с Германией.

⁵ После поражения и оккупации в апреле 1941 г. территория Югославии была разделена между сопредельными странами. Юридически раздел был утверждён на встрече германских и итальянских министров иностранных дел в Вене 21 и 22 апреля. Основными бенефициарами стали Германия и Италия, также присутствовали Венгрия, Болгария и Албания. Были образованы Независимое государство Хорватия и независимая Черногория под эгидой Италии. На некоторых новообразованных территориях начались этнические чистки и массовые убийства сербов и евреев. Сведений о советском протесте не удалось обнаружить. — *Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration*. CA: Stanford, 2001. P. 61–64.

⁶ Ковалевский не преувеличивает, но говорит скорее о настроениях в русской диаспоре. Немецкие аналитики, просматривавшие прессу русских эмигрантских организаций в 1940 г., отмечали, что и «пораженцы», и «оборонцы» очень скептически относятся к пакту Гитлера — Сталина и не верят в его долговечность. — *Archiv des Instituts für Zeitgeschichte (IfZ-Archiv)*, MA 128/2. *Dr. Kurt Krupinski*. Die Emigrantenpresse, конец 1940. S. 7.

⁷ Судьба польского государства была решена 23 августа 1939 г., когда СССР и Третий рейх подписали пакт о ненападении. Де-юре Советский Союз и нацистская Германия не являлись союзниками; де-факто шло сотрудничество и торговля. — *Ericson III E. E. Feeding the German Eagle: Soviet Economic Aid to Nazi Germany, 1933–1941*. Westport, CO, London, 1999. P. 69 и далее.

⁸ Очевидная ошибка. Вторжение германских армий в СССР произошло ранним утром 22 июня 1941 г., а не 23-го. Германский посол в Москве, граф Вернер фон дер Шуленбург, получил из Берлина телеграмму с текстом ноты об объявлении войны СССР. Только через два часа после начала боевых действий нота была вручена Шуленбургом Вячеславу Молотову. В частном порядке Шуленбург был настроен резко против начала войны с СССР и предпринимал дипломатические усилия для изменения ситуации. — *Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa"*. Die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau, 1939–1941. Berlin, 1991. S. 347–349; Friedrich-Werner Graf von der Schulenburg,

Diplomat und Widerstandskämpfer / Hrsg. von L. P. Schmidt, K. D. van Weringh. Moskau, 2012.

⁹ Явная ошибка. Империя Вильгельма, или же Второй рейх, существовала в 1871–1918 гг. Нацистская же Германия, как известно, именовала себя Третьим рейхом.

¹⁰ *Анжело Брунетти* (1800–1849) — итальянский политик, известный в своё время выступлениями в защиту прав евреев.

¹¹ И европейское общественное мнение, и немецкие офицеры сходились в представлении о том, что осенью в Москве состоится парадный марш вермахта. — *Núñez Seixas X. M. El frente del Este: Historia y memoria de la Guerra germano-soviética (1941–1945)*. Madrid, 2018. P. 37–38.

¹² 24 и 25 июня в столицах некоторых провинций и важных городках были проведены организованные Испанской фалангой демонстрации. Согласно докладом немецких консулов, на одни собралось значительное число активистов и сторонников фаланги, на другие пришло меньше публики. В Сан-Себастьяне манифестация состоялась 25 июня во второй половине дня, на ней, судя по опубликованным местной прессой фотографиям, народу было немного. — *Núñez Seixas X. M. Camarada invierno. Experiencia y memoria de la División Azul, 1941–1945*. Barcelona, 2016. P. 60–61; *San Sebastián se manifiesta contra la Rusia soviética // La Voz de España*. 26 de junio de 1941. P. 1.

¹³ 25 июня всем провинциальным руководителям Испанской традиционалистской фаланги (*Falange Española Tradicionalista*, ФЕТ или ИТФ) были разосланы инструкции о скорейшей организации вербовки. Сначала рекомендовалось отбирать добровольцев из числа лучших фалангистов, беря в расчёт военную подготовку, моральные и политические качества, а также открыть двери офицерам с «фалангистским духом». Бойцам должно было быть 20–28 лет, предпочтение отдавалось людям с армейским опытом и владеющим оружием; им предстояло пройти медосмотр. Предварительно устанавливалось соотношение 75 и 25 % для ветеранов и политически пригодных добровольцев. Кадровым военным давалось 48 часов на запись, фалангисты могли это сделать до 2 июля. Если несколько военных кандидатов конкурировали за одно место, то полагалось брать наиболее подготовленных. Одновременно в генерал-капитанства и части, дислоцированные в Марокко, была направлена инструкция с требованием прислать списки добровольцев. Последующие распоряжения увеличивали допускаемую долю сержантов и специалистов, которых могли подобрать в армии. Там, где был недобор гражданских добровольцев, их число компенсировали за счёт армейских чинов.

¹⁴ *Николай Николаевич Болтин* (1881–1954) — «декан» русских эмигрантов в Испании. Из-за матери-француженки для «форса» иногда подписывался «барон Болтин де Курсель». В 1901 г. выпускник Пажеского корпуса, направлен в Лейб-гвардии Конно-Гренадёрский полк, однако вскоре вышел в запас и работал в Ведомстве земледелия; причина такого поворота неясна, в эмиграции конные гренадёры почему-то не желали с ним общаться. В годы Первой мировой войны служил во 2-м Лейб-драгунском Псковском полку. Полковник. С мая 1918 г. возглавлял подпольную офицерскую организацию в Смоленске, затем в Белоруссии. В апреле 1919 г. арестован, бежал, с лета 1919 г. в Вооружённых силах Юга России. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции во Франции занимался

коммерцией. В годы Гражданской войны в Испании стал одним из организаторов Русского отряда в армии генерала Франко, а сам служил в терции «Донья Мария де Молина». Ранен, продолжил службу в рядах 55-й дивизии. После 1939 г. получил звание почётного полковника Национальной милиции и находился под покровительством фалангистского начальника Раймундо Фернандеса Куэсты. Организатор хора песни и пляски, состоявшего из русских рекетивов. В 1940–1941 гг. был представителем интересов своих соратников перед испанскими военными властями. Один из совсем немногих ветеранов Гражданской войны, не воевавших в Голубой дивизии, хотя и вёл переговоры на тему формирования русского отряда в итальянской армии. Умел производить впечатление, блестяще говорил по-французски и по-испански и отличался хитростью. Женился на испанке из Сан-Себастьяна. Скончался в Мадриде, похоронен с военными почестями. — *Archivo General Militar de Ávila (AGMAV) 6205/119; Полковник Н. Н. Болтин // Часовой. 1954. Декабрь. № 348 (11). С. 18.*

Здесь и далее при составлении справок на русских эмигрантов, помимо испанских и русских документов, используются следующие работы: *Волков С. В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008; Марковчин В. В. Русские испанцы: век XX // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 106–134 (Сер. «История и право»); Семенов К. К. Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М., 2016. С. 142–152; Яремчук 2-й А. П. Русские добровольцы в Испании, 1936–1939 гг. / ред.-сост. В. Н. Азар-Заровский. Сан-Франциско, 1983. С. 365–373.*

¹⁵ Антон Прокофьевич Яремчук 2-й вспоминал: «Генерал Франко приказал принять русских офицеров с теми чинами, которые они имели в Русской армии. <...> Утром нас вызвало испанское начальство и сообщило, что нас желает видеть полковник, военный атташе при германском посольстве. Пошли к нему несколько человек. Со смущённым видом он заявил, что есть приказ Гитлера, воспрещающий белым русским участвовать в рядах германской армии в войне против СССР. Нам как ведро холодной воды вылили на голову... Исключение было сделано для нескольких русских, служивших офицерами в Испанском легионе. Потом обнаружилось, что немцы одобрили участие этих офицеров, так как они были уроженцами Малороссии, и тупоумные немцы вообразили, что они обязательно должны быть украинскими самостийниками и впоследствии потребовали, чтобы их отправили назад в Испанию, но начальник “Синей дивизии” генерал Муньос Грандес ответил, что “никаких русских офицеров у меня нет, а есть лишь испанские офицеры”... Немцам пришлось проглотить пилюлю...» — *Габриэли А. [Яремчук 2-й А. П.] С итальянской армией в России. Моя последняя (четвёртая) война // Stanford University. HIA. Globus Publishers Records. Box 1. С. 83–84.*

¹⁶ 30 июня 1941 г. немецкая сторона утвердила общие директивы по набору иностранцев. Одетье в немецкую униформу добровольцы должны были служить в национальных легионах. При создании частей строго соблюдалась чёткая этническая иерархия в соответствии с расовой теорией.

¹⁷ Речь идёт о Национальной милиции при Испанской фаланге (ИТФ), в которую с апреля 1937 г. были объединены все партийные милиции франкистов. В июле 1940 г. она была реорганизована и поставлена под командование армии, окончательно перестав быть автономной «штурмовой гвардией» фалангистов. В ряды ми-

лиции были влиты офицеры, задачей которых было заняться военной подготовкой молодёжи. В конце июля 1941 г. милиция была распущена. Правопреемником стала Гвардия Франко (*La Guardia de Franco*), подчинявшаяся ИТФ и состоявшая из ветеранов-фалангистов и радикалов, а также из некоторых бывших бойцов.

¹⁸ Не считая Сергея Пономарёва и Игоря Перчина, отправилось 28 человек. Антон Яремчук писал, что в Мадриде в дивизию записалось 35 русских эмигрантов, «чуть ли не всё мужское население нашей колонии».

¹⁹ Александр Владимирович Бибилов (1906–1977) — уроженец Владимира, моряк по профессии. Покинул Россию ещё подростком. Служил во Французском иностранном легионе. С 15 июля 1937 г. принимал участие в Гражданской войне в Испании в рядах Испанского иностранного легиона. Сражался при Теруэле, на Эбро и в Леванте, был дважды ранен. В 1939 г. обосновался в Мадриде, писал программы для испанского радио; позднее переехал в Сан-Себастьян, где стал временным сержантом в управлении Национальной милиции в Гипускоа. В июле 1941 г. записался в Голубую дивизию, служил в противотанковой группе, в конце октября перешёл в III батальон 269-го пехотного полка. В июле 1942 г. возвратился в Испанию, проживал в Сан-Себастьяне. В середине 1950-х гг. переехал в Мадрид, работал на испанском радио. — AGMAV 5531/7, 4497/51.

²⁰ Таковы были первоначальные условия, сообщённые сан-себастьянской прессой. — Banderín de enganche para luchar contra el comunismo // La Voz de España. 1 de julio de 1941. P. 1.

²¹ Успех вербовочной кампании сильно зависел от того, в каком регионе шёл набор. В целом такие города как Мадрид, Севилья и Валенсия, а также регионы, остававшиеся под властью Испанской республики до конца войны (Леванте, Мурсия), и где имелись фалангистски настроенные студенты и сторонники франкизма, не поспевшие на войну, поддержали кампанию по набору. В Гипускоа в июне — июле 1941 г. записались 257 добровольцев, позже к ним прибавилось ещё 346; в основном они были городскими жителями (Сан-Себастьян в первую очередь). Страна Басков дала Голубой дивизии самое большое количество добровольцев, среди которых явно преобладали выходцы из городских низших классов: 38 % — рабочие и ремесленники; 7 % — поденщики; 26 % — служащие; 8 % — студенты. — *Fernández Vicente I. El Proyecto fascista en el País Vasco, 1933–1945. Tesis doctoral, Universidad del País Vasco, 2019. P. 345–346, 350–351.*

²² Теоретически предпочтение отдавалось фалангистам, и их даже набирали в отделениях партии. На деле же членство в единственной партии не являлось обязательным условием для приёма. Процент фалангистов трудно подсчитать точно, но среди первого контингента он не превышал 20–25 % от общего числа убывших на фронт.

²³ Общее число дезертиров из Голубой дивизии было намного меньше, чем утверждает Ковалевский. Добровольцев предварительно «просеивали», а позже за настроениями следили отдел разведки дивизии. Первый состав добровольцев отличался высоким уровнем идеологической сплочённости; наконец дезертировать было трудно физически. Можно считать, что за два года пребывания 250-й дивизии на фронте число дезертиров колебалось от 80 до 100 человек, то есть едва ли 0,2 % от общего числа военнослужащих. — *Núñez Seixas X. M. Camarada invierno. P. 104–106.*

²⁴ Подобный энтузиазм отмечался и в других иностранных легионах вермахта. В частности, политическое руководство Французского легиона вермахта (*Légion des volontaires français contre le bolchévisme*) торопилось принять участие во взятии Москвы; в том числе из-за этого обучение легиона оказалась крайне скудным, и 638-й пехотный полк понёс тяжёлые потери зимой 1941 г. — *Ridruejo D. Los cuadernos de Rusia: diario 1941–1943* / ed. X. M. Núñez Seixas. Madrid, 2013. P. 156–167. (Записи за 17 и 19 сентября 1941 г.); *Beyda O. 'La Grande Armée in Field Gray': The Legion of French Volunteers Against Bolshevism, 1941* // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2016. Vol. 29. Iss. 3. P. 500–518.

²⁵ По распоряжению от 25 июня, срок для вербовки кадровых военных составлял 48 часов, а для новобранцев-фалангистов завершился 2 июля. 28 июня армейская квота была увеличена (три четверти младших специалистов и техперсонала), а процент нехватки местных добровольцев был покрыт за счёт армейских чинов. 8 июля авангард волонтеров убыл в Германию, а 13 июля за ним последовала основная часть. — *Núñez Seixas X. M. Camarada invierno*. P. 62–64.

²⁶ В фалангистском ежедневнике *Unidad* («Единение») было напечатано интервью с Владимиром Двойченко — третьим белоэмигрантом, служившим в милиции Сан-Себастьяна. К тому моменту ему уже исполнилось 57 лет, и он успел пройти четыре войны (Русско-японскую, Первую мировую и две гражданских, в России и Испании). Тремя днями позже Бибиков или Ковалевский появился в редакции газеты, чтобы поблагодарить редактора за упоминание об эмигрантах.

²⁷ В первый период существования франкизма в Испании образ «русского» был практически неотделим от образа коммунистического врага, и это представление усилила пропаганда, начавшаяся после антиреспубликанского мятежа. Сами белоэмигранты, сражавшиеся в рядах националистов, отмечали, что многим из их испанских товарищей было сложно разделить два понятия. — *Núñez Seixas X. M. ¡Fuera el invasor! Nacionalismos y movilización bélica durante la guerra civil española (1936–1939)*. Madrid, 2006. P. 245–261; *Núñez Seixas X. M. Camarada invierno*. P. 23–27.

²⁸ *Павел Иванович Рашевский* (1898–1944) — уроженец Санкт-Петербурга, капитан русского генштаба, топограф. К 1926 г. во Франции. С сентября по октябрь 1936 г. он сражался в рядах терции «Вирхен дель Пилар» (*Virgen del Pilar*) арагонских рекетистов, откуда перешёл в терцию «Донья Мария де Молина», где получил чин сержанта. Отличился в боях, был тяжело ранен в лёгкое в ноябре 1936 г. В сентябре 1937 г. Рашевский подал прошение позволить ему съездить во Францию и Германию; в Тулузе жила его дочь Наталья, мало что знавшая о его судьбе (как отмечал испанский консул в этом городе). Во время поездки исчез: в терции «Донья Мария де Молина» говорили, что он был демобилизован «ввиду недостойного поведения и неуёмной тяги к спиртному». Яремчук писал в сентябре 1938 г., что Рашевский попал в тюрьму в Ируне, «немцы раскопали, что он связан с французской разведкой — 2-е бюро, — дело может кончиться судом». Тем не менее позже он вновь проявился. В мае 1941 г. Рашевский был удостоен медали «Пострадавшему за Отечество» (*Medalla de Sufrimientos por la Patria*) и числился сержантом. В Голубой дивизии он был зачислен в первый отдел дивизионного штаба. Находился ли он в тюрьме в Испании или во Франции или же был

арестован перед отправкой на фронт, так и остаётся неизвестным. Скончался в Памплоне. — AGMAV 4346/100. Diversa documentacion en AGMS. CG/R3; Русские белые воины в Испанской гражданской войне / пер. исп. журнала «История и жизнь». 1973. № 69. Декабрь // Информационный бюллетень Отдела Общества галлиполийцев в С.А.С.Ш-х. 1976. № 156. Август — сентябрь. С. 4–5.

²⁹ Вероятно, речь идёт о лейтенанте *Исмаэле Гарсия-Ромеу* (псевдоним Тиролайпи; 1918–1999), барселонце, ветеране Гражданской войны, чья эксцентричность и решительность в бою создали ему определённую репутацию в дивизии. Часто упоминается в мемуарах сослуживцев. Он был одноглазым, так что возможно, что Ковалевский путает капитана и лейтенанта.

³⁰ Речь идёт о капитане Хосе Фернандесе Родригесе, 1 августа принявшем командование 4-й пулемётной ротой и прослужившем в ней до 11 июня 1942 г.

³¹ Речь идёт о полковнике *Педро Пиментеле Сайясе* (1893–1963), кадровом военном, сделавшем карьеру в Африке, офицере Испанского иностранного легиона и преподавателе Военной академии Сарагосы. В 1936 г. принял активное участие в мятеже армейских частей, дислоцированных в Африке; позже перебрался на полуостров, командуя подразделениями легиона. До мая 1942 г. Пиментель Сайяс занимал должность командира 262-го пехотного полка. По возвращении в Испанию повышен в чине до генерал-лейтенанта. Командовал одним из военных округов, в конце 1950-х гг. был прокурором в Кортесах (парламент).

³² Речь идёт о Тартарене из Тараскона, литературном персонаже, придуманном Альфонсом Доде в романе 1872 г. «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» (*Les aventures prodigieuses de Tartarin de Tarascon*).

³³ Проявления враждебности со стороны французского населения и испанских беженцев-республиканцев не прекращались на протяжении всего пути добровольцев от французского Андая до Эльзаса. Схожую реакцию встречали эшелоны дивизии и в дальнейшем. Произошло несколько инцидентов: в поезд швыряли камни, бутылки, во время остановок случались стычки. Немецкие сопровождающие зачастую занимали позицию пассивных наблюдателей. К слову, добровольцы Валлонского легиона в середине августа 1941 г. на пути в Польшу видели похожую картину. Ростислав Вадимович Завадский записал в дневнике: «Голландия встречает поезд кулаками. Видно, что настроение жителей подобно бельгийскому».

Различные доклады второго отдела генштаба дивизии за 19–22 июля 1941 г. в Графенвёре доступны: AGMAV 2005/2/2; *Завадский Р. В.* Своя чужая война. Дневник русского офицера вермахта 1941–1942 гг. / ред.-сост. О. И. Бэйда. М., 2014. С. 76.

³⁴ Речь идёт о медсёстрах Немецкого Красного Креста (*Krankenschwestern*).

³⁵ Речь идёт о городе Страсбург, включённом в состав Третьего рейха после 1940 г.

³⁶ Иногда обмен фотографиями и адресами перерастал в эпистолярные взаимоотношения с немцами «военными крёстными» (*madrinas de guerra*), которых испанцы зачастую идеализировали. Ковалевский переоценивает значимость этих отношений. Часто военнослужащие дивизии оказывались неспособны прочесть адреса, написанные на обороте фотографий, поскольку немецкие девушки использовали готический шрифт *Fraktur*.